

Александров А.С.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики Нижегородской
академии МВД России ♦

Аксиомы новой теории судебных доказательств

«Пока я говорю, я прав»
Мирабо, Оноре Габриель Рикети

Аннотация: Предлагается для обсуждения своего рода символ веры постпостмодернистского учения о судебных доказательствах и доказывании, которое развивается нижегородской школой критических правовых исследований. В ней приводятся двенадцать постулатов, составляющих основу этого учения. Хотя ценность любого постулата относительна, на момент написания текста приведенные аксиомы представлялись автору самоценными. В целом это предварительный набросок будущих исследований нижегородских ученых по данной проблематике, но одновременно это и подведение промежуточных итогов развития постсоветской теории судебных доказательств.

Ключевые слова: постпостмодернизм, судебные доказательства, судебное доказывание, нижегородская школа критических правовых исследований, аксиомы, теория судебных доказательств.

Любая вера, мировоззрение и даже просто школа, интеллектуальное течение, теория, парадигма, включает в себя аксиомы, если угодно, догматы, которые не подлежат сомнению. Не потому, что они верны, а потому что организованное знание нуждается в изначальных, непререкаемых канонах. В них можно только верить и разделять их, но не сомневаться. Как писал Аристотель: «Истинные и первые [положения] - те, которые достоверны не

♦ Александров Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородской академии МВД России (Россия)
E-mail: anrc@rambler.ru

через другие [положения], а через самих себя. Ибо о началах знания не нужно спрашивать «почему», а каждое из этих начал само по себе должно быть достоверным»¹. Мне в данный момент нужны такие постулаты, принимаемые без доказательств в качестве истинных (допущения); они послужат основой для построения последующих высказываний относительно доказательств и доказывания в уголовном процессе.

Завершая затянувшееся вступление, сделаю еще одно объяснение и своего рода самооправдание. Я все-таки воспользуюсь привычным способом постмодернизма взять классический текст и попытаться «вывернуть его наизнанку», переставляя местами члены традиционных оппозиций. В данном случае я использовал 12-членную формулу символа христианской веры, которая принята как у католиков и у православных (мусульмане могут не обижаться: я подражал стилю изложения сур). Такой ход позволит мне использовать оболочку канона и соорудить свой «постпостмодернисткий» *Symbolum* «новой теории уголовно-процессуальных доказательств».

Итак, во что я верю. Искренне и сейчас².

1. Не верую во единого Бога Отца Вседержителя.

Не верую в его пророков-апостолов.

В святыя писания тоже не верую, но при случае использую их в риторической аргументации – это бывает эффективно (скажем текст Библии или Корана тем хорош, что позволяет обосновать любую точку зрения; это очень удобно).

2. Верую в то, что материя объективна и первична; разум (язык) вторичен, слаб и лукав; все «истины», которых он добивается относительны.

«Ложь во спасение» – способ адаптации, к которому ежедневно по нескольку раз в день прибегает каждый человек. То же самое можно сказать и о

¹ *Аристотель*. *Топика* /Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1978. - с. 349.

² Эх, после стольких лет упражнений в безверии не так легко собрать в горсти (хотя бы временно) пучок «истин».

людских сообществах. И ложь и истина в равной степени бывают полезны, различие между ними лишь в эффективности.

Оппозиция ложь/истина относительна («истина – ложь, вывернутая наизнанку» Ж. Деррида). Особенно это актуально в контексте уголовного судопроизводства. Мера лживости и истинности «правдоподобного» утверждения любой из сторон в уголовном деле пропорциональна его убедительности. Важно соблюсти пропорцию.

Это не значит, что за «истину» не надо бороться. Как раз наоборот: пафосу утверждения, обязательно должен противостоять пафос отрицания. Никакая «истина» не может быть освобождена от критики.

Сомневаться в «истинности» – это способ мышления. «Всякий, кто сознает, что он сомневается, сознает это свое сомнение как некоторую истину» (Аврелий Августин (Блаженный)).

Потому стандарт «разумных сомнений» универсальный стандарт определения судебной истины.

3. Верую в первичность хаоса. Хаос вечен, порядок случаен. Структура – вторична, а «знание» – это структура.

4. Верую в универсальность второго начала термодинамики и энтропии.

Все упорядоченное стремится к разрушению, к хаосу³.

Я понимаю саму суть энтропии таким образом. Энтропия — это мера беспорядка, хаоса в любой системе: физической, информационной, биологической, психической, социальной.

Разделяю синергетический подход к разрешению проблемы борьбы с энтропией. Биологические, как социальные организмы, будучи сложными и упорядоченными системами, могут разными способами бороться с энтропией (хотя в конце концов она всегда побеждает).

³Энтропία (от др.-греч. *ἐντροπία* - поворот, превращение) - в естественных науках мера беспорядка системы, состоящей из многих элементов. В юридической науке, по моему мнению, энтропия характеризует меру неопределенности смысла любого нормативного акта, а соответственно возможности различных его интерпретаций и применений.

Демократия, открытое общество является наиболее жизнеспособной организацией социальной системы, поскольку перераспределяет энтропию вокруг себя, то есть отдает свою энтропию всему, чему только может. В демократическом *открытом* обществе состязательное правосудие является эффективным способом перераспределения энтропии.

Энтропия в информатике — степень неполноты, неопределённости знаний. Так что юридическая система никогда не может быть законченной, а в судебной системе любое знание будет неполным. Потому судебная истина не может быть совершенным знанием: объективной, а тем более абсолютной истиной.

5. Верую во фрейдизм. Верю в универсальность закона о нехватке и компенсации⁴.

Проблема желания и его неудовлетворенности составляет центр психической деятельности. Впрочем, для обсуждаемой нами проблематики будет достаточным констатировать следующее. Человеческая психика расколота и выступает как сфера противоречивого взаимодействия трех составляющих (эго – суперэго – ид); биологическое и социальное, эгоизм и альтруизм борются в человеке. Превалируют в его поведении эгоистические мотивы: похоть, корысть и пр. Поскольку человек зол, склонен к греху, постольку сообществу нужны запреты и институты, поддерживающие их: церковь, мораль, право, правосудие, государство и пр.

Право институализировано посредством символического в психике человека, и в коллективном бессознательном. Но причины противоправности имеют те же корни («расколотость» личности человека).

Правосудие – это игра. Назначение уголовного процесса проявляется в проигрывании судебной драмы; иначе говоря - в актуализации запретов на уровне подсознания индивида, коллективного бессознательного общества.

⁴ На мой взгляд, суть этого закона ярко выразил Б. Гребенщиков: «Как много комнат полных людей/прозрачных комнат полных людей...Но пока нет твоей любви/Мне всегда будет хотеться чего-то еще» («Глаз»).

6. Ценность человека абсолютна. Человек мера всех вещей, существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют.

Но вот трансцендентального «субъекта познания» не существует (это вредная выдумка).

Далее. Забота о правопорядке не может быть поставлена выше идеала свободы личности. Для уголовного правосудия первая истина в том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Истинно и справедливо лишь то судопроизводство, что гарантирует права личности.

Хотя человек несовершенен, человека судить может только человек, и никто и ничто другое. Потому суд присяжных – оптимальная форма правосудия.

7. Язык создан людьми в процессе эволюции, он – альфа и омега знания. Разум – это язык; сознание имеет языковое устройство.

Реальность дана человеку в языковой картине. Знаки отсылают к знакам, а уже потом - к реальным вещам. В уголовном процессе не существует иной реальности, кроме той, которая дана в материалах дела.

Разделяю лингвистический подход к анализу юридических, процессуальных явлений (судебная лингвистика). Юридическое – значит языковое. Язык берется мной как *бытийственный* образ «права». Право – это текст это смысл текста закона, помноженный на его интерпретацию в определенном контексте. Потому инстанция права – в означающем, а способ бытия права есть постоянное восполнение нехватки смысла закона (то, что Иеринг называл «борьбой за право»). Интерпретация закона и есть «юридическая аргументация», которая должна пониматься как органическая часть реального права. Юридическая аргументация включает в себя борьбу интерпретаций за «правильный смысл» закона в данном контексте властеотношений. Она не является нейтральной и направлена на обоснование риторическими средствами определенной идеологии.

Дурак нарушает закон, умный тупо исполняет, мудрый интерпретирует.

Уголовный процесс – один из жанров публичной судебной речи. Главное в нем – установление основания для применения наказания к преступнику. Выявление истины преступления/наказания, т.е. доказывание (аргументирование) есть ядро уголовного судопроизводства. Потому проблематика доказывания/аргументирования составляет суть проблематики науки уголовного процесса.

Здесь важно пояснить следующее. Аргументация начинается там, где заканчивается насилие. Аргументация – это соблазнение ума. Ведь, как известно, убеждение заменяет силу. Аргументировать – значит обращать в свою веру. Потому лучше всего аргументирует убежденный человек, который заражает своей верой.

Аргументировать – значит коммуникатировать. Аргументирование возможно главным образом посредством речи. Различия в устной и письменной речи обуславливают и различия в способах аргументирования. Публичная речь – среда аргументации, в частной речи возможно лишь «соблазнение».

Диалог, а не монолог – вот способ организации аргументации. Манипуляции с правом голоса и различные техники «зажимания рта» ведут к срыву коммуникации и соответственно делают невозможным аргументирование (с чем мы имеем дело во время некоторых научных мероприятий и вообще в стране победившей имитационной демократии).

Самовластителю аргументировать свои действия и решения не нужно. Демократическая форма общественно-государственного устройства – необходимое условие для аргументации, а судебной аргументации невозможно без состязательности. В противном случае аргументация превращается в пошлую болтовню (симулякр). Слово-действие подменяется болтовней.

Диалектика – лучший способ рассуждения; а риторика – судебной аргументации, т.к. в основе имеет устную речь. Состязательное, гласное, непосредственное судопроизводство есть оптимальное поле для развития юридической и судебной аргументации. Суд присяжных – идеальная ситуация для аргументации.

Поэтому теория уголовного процесса является наиболее развитой формой знания о юридической аргументации. Так называемая «юридическая аргументация» является составной частью теории доказательств, культивируемой в науке уголовного процесса. Теория судебных доказательств и доказывания богаче, чем «чистая теория», потому что адаптирована как к устной, так и письменной речи. Она призвана быть как профанной (рассчитанной на обывателя), так и профессиональной (обращенной к судье, юристу) и потому более гибкой, сочетая как низкий, так и высокий стили обращения. Рахитичность «юридической аргументации», как маргинальной части «теории права», объясняется отсутствием настоящей конкурентной среды (игнорирование фактора демократии) и не пониманием нескольких фундаментальных вещей: специфики гуманитарного познания, устной речи, природы убеждения в суде (присяжных), аргументационности следственных действий и т.п.

Только в уголовном судопроизводстве есть суд присяжных, где риторическая аргументация включает в себя все элементы аргументационной ситуации доказывания (в т.ч. пресловутая юридическая аргументация) и получает достаточную полноту: пафос, этос и логос.

«Новая софистика», эра которой наступила в связи с внедрением в судопроизводства интернеттехнологий, означает диалектический возврат к искусству «как сильное доказательство сделать слабым, а слабое сильным».

Судебная истина есть результат судебного разбирательства (судебной аргументации). Она – в голове у судьи, это состояние его внутреннего убеждения. Судебная истина – это юридическая истина, ее действительность в законе, ее разумность – в отсутствии разумных сомнений.

Судебная истина должна быть правдоподобной, а наиболее правдоподобно то, что ближе всего к знакомому, обычному, повседневному. Потому в области судебной аргументации стандарты истины Здравый смысл и общественное мнение (докса).

«Объективность» судебной истины состоит в верифицируемости; вначале на уровне вышестоящей судебной инстанции, затем в универсальной аудитории (которая ассоциируется скорее с доксой (общественным мнением), а не «абсолютным разумом»).

Судебное доказывание фактов является искусством, и это искусство в основном связано с организацией правосудия, а не с установлением «объективной истины»; скорее сам поиск истины зависит от правил судопроизводства. Главные правила юридического доказывания есть разумные договоренности по поводу решения проблемы власти в обществе.

Состязательность и равноправие сторон – единственный способ справедливого правосудия. Все равны перед законом и судом. Стороны должны быть равны в правах на доказывание, в том числе в ходе досудебного производства.

Человеческий фактор, который несет в себе противоречие, вносит элемент неопределенности в судебный спор, превращая доказывание из объективного познания в игру или войну, которая ведется на словах.

8. Верю в когнитивную программу новой теории судебных доказательств. Когнитивные структуры (символическое, знаковое) делают эмпирический опыт знанием (смыслом).

То, что реальность существует на самом деле - не отрицается: субъект познания имеет дело с реальностью. Вместе с тем познающий субъект «вырезает» из реальности по определенной модели только то, что соотносимо с его деятельностью, направленной на приспособление к этой реальности. Знание приобретается не пассивно через органы чувств или средства коммуникации, оно активно строится субъектом, взаимодействующим с объективностью, путем совершенствования когнитивных структур. Субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. Не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта. Классическая схема «субъект-объект» приобретает вид «субъект-структура-объект».

Знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Все наши знания об окружающем мире носят приблизительный характер, и их достоинство определяется их способностью дать нам лучше приспособиться к условиям существования. Искажение информации в ходе взаимодействия субъекта с реальностью носит объективный характер. Уже в процессе предшествующей осознанию часть информации *неизбежно теряется*, она отсеивается нашим когнитивным аппаратом как излишняя. Это происходит благодаря фильтрам восприятия: нейрофизиологическим, социальным, индивидуальным. Функционирование фильтров восприятия, генерализация, опущение, искажение информации в ходе формирования когнитивных структур приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью-для-субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях. Знание о явлениях реальности - это не их отражение в сознании, а скорее, реконструкция, «понимание» ее адекватно выживанию. Все это справедливо и применительно к уголовному процессу, как одному из сегментов когнитивной деятельности людей.

Я не принимаю распространенную метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины⁵. Познание – это приобретение и осваивание (переработка) человеком по определенным схемам, моделям информации как из внешней, так и внутренней среды с целью адаптации к реальности⁶.

⁵ Понятие объективной истины значимо лишь в классической философии познания; неклассическая эпистемология использует вместо него «солидарность», «общепринятость» и т.п. Познание не отражает мир, а конструирует. Конструирование есть процесс, который придает действительности вид неразрывного и когерентного целого. Конструирование порождает когерентный, относительный мир. Сконструированная действительность когерентна, поскольку она конструируется как внутренне сопряженная, связанная, в которой изолированное не существует и не может существовать. Конструирование есть процесс, порождающий континуальность и циклическую причинность. Знание и познание являются в высшей степени самоотносимыми, самореферентными событиями. Мы трактуем истину как внутреннюю согласованность, непротиворечивость знаний.

⁶ Адаптация – способность живых организмов активно искать (или создавать) благоприятные для жизни условия, используя информацию о состоянии окружающей реальности и собственного организма. Когнитивные механизмы можно рассматривать как один из значимых факторов адаптации организмов к их среде обитания.

Человек мыслящий есть система контуров обратной связи, которая включена в качестве элемента в большие внешние системы. Выживание и адекватное поведение человека обеспечивается его постоянной «настройкой» своей системы в ответ на изменение параметров среды (как внешней, так и внутренней). Для адекватного взаимодействия с реальностью человеку важно извлекать из среды не столько исчерпывающе полную информацию, сколько значимую в соответствующем контексте. Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально значимые ее элементы и структуры.

Знание надо рассматривать не с точки зрения дихотомии «правильное-неправильное», а как полезное или вредное для социально-биологического организма, включенного в систему контуров обратной связи с окружающей его средой. Поскольку ценность знания определяется его способностью дать адаптироваться к окружающей среде, постольку и уголовно-процессуальное ценно своей способностью наилучшим образом позволить обществу адаптироваться к реальности.

Замена понятия «истинность» понятием «жизнеспособность» является принципиальным. Целью познания является не объективность, а приспособление. «Полезным» является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы. Такова и «судебная истина» – она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы. И если судебный приговор разрушает солидарность общества, раскалывает его, противопоставляет власть народу, то содержащееся в нем знание является неверным. Суду надо стремиться познать не «объективную истину», а найти оптимальное решение в заданных обстоятельствах, такое решение, которое

объединяет нацию на чувстве общности, солидарности и укрепляет социальную структуру⁷.

9. Власть – это сила, что поддерживает социальную структуру в состоянии равновесия. Это то, что противостоит энтропии социальной структуры.

Я верю в свободу. Свобода лучше, чем несвобода. Но понимаю, что жить в общества и быть свободным от общества нельзя. Это необходимое зло. Она есть попытка снятия противоречия между либидо и стадным инстинктом.

Как писал М. Фуко: «Во власти надо видеть сеть неизменно напряженных, активных отношений, а не привилегию, которой можно обладать. Следует считать ее моделью скорее вечного сражения, нежели договора о правах и имуществе или завоевание территории. Словом эта власть скорее отправляется, чем принадлежит; она не «привилегия», приобретенная или сохраняемая господствующим классам, а совокупное воздействие его стратегических позиций – воздействие, которое обнаруживается и иногда расширяется благодаря положению тех, над кем господствуют. Кроме того, эта власть не отправляется как простая обязанность или запрет, налагаемые на тех, кто «ее имеет»; она захватывает последних, передается через них; она оказывает давление на них, точно также они, борясь против нее, сопротивляются ее хватке. Значит, отношения власти проникают в самую толщу общества; они не локализируются в отношениях между государством и гражданином или на границе между классами и не просто воспроизводят - на уровне индивидов, тел, жестов и поступков – общую форму закона или правления; и существующая непрерывность (они сопряжены с этой формой посредством целого ряда сложных механизмов) не обеспечивается ни аналогией, ни гомологией, но - специфичностью механизма и модальности. Наконец, отношения власти не однозначны; они выражаются в бесчисленных точках столкновения и очагах

⁷ Подробнее эта тема была в свое время развита в следующих работах: *Александров А.С.* Язык уголовного судопроизводства. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001; *Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В.* Назначение уголовного судопроизводства. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006.

нестабильности, каждый из которых несет в себе опасность конфликта, борьбы и по крайней мере временного изменения соотношения сил⁸.

Правосудие – способ легитимизации власти (лучше, чтобы, конечно, оно осуществлялось народом (суд присяжных, народное обвинение, общественная защита и пр.). Это воспроизводство отношений власти-знания в обществе, оно творит право, в свою очередь обитает в сознании людей.

Воля к власти и воля к истине имеют одну природу – стремление к тотальному господству вплоть до биологии. Власть способна временно сделать истину абсолютной и не только ее одну (когда это надо).

Производство истины по уголовному делу - оплотнение, овеществление в силовом поле власти с помощью разнообразных речевых техник - техник доказывания (познания) юридического знания, в том числе «событие преступления», «вина», «преступник» (это знание называют еще «юридический состав преступления», «главный доказательственный факт»); прищипливание его к телу конкретного субъекта приговором суда - это, таким образом, есть конституирование преступления в дискурсе уголовного суда.

Проявление властных сил в уголовном судопроизводстве, следовательно, связано с установлением системы легитимного знания о преступлении и преступнике. Это, можно назвать «диспозитивом доказывания», встроенным в уголовное судопроизводство, в систему отношений власти-знания дискурсивной формации.

Не только юридический символ, но и реальное тело человека и его душа непосредственно погружено в область юридического, текстового. Индивид, оказавшийся втянутым в сферу уголовного процесса, приобретает знаковую, т.е. юридическую (уголовно-процессуальную) ипостась, с одной стороны, а с другой стороны, его тело, следуя за его юридической личностью, оказывается в реальных отношениях власти. «Расщепление» индивида следует считать с формой вовлечения его в одну из речевых практик – судебную.

⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – с.41–42.

Человек идет навстречу Желанию. Но в обществе окружен симулякрами. Он обречен иметь дело с символами. Он втянут в производство знаков и сам производит их. Власть различными способами втягивает его в свои отношения, заставляет участвовать в своей стратегии. «Отношения власти держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки»⁹.

Ж. Бодрийяр писал: «Всякая структурность насильственна, всякая насильственность вызывает страх ... это грозит подорвать соотнесенность индивида с обществом»¹⁰. Силе социального воздействия на тело равна сила противодействия. Порядок ежеминутно, ежесекундно подрывается, подвергается эрозии или разрушительным ударам со стороны противозаконностей. Как уже указывалось, беспорядок - неотъемлемое качество системы. В обществе наряду с относительно устойчивой нормой, системой упорядоченных отношений всегда присутствуют процессы разложения, субъекты, чье поведение асоциально. Всегда в обществе была, есть и будет энергия разрушения. Сублимация этой энергии - проблема выживания общества. Поэтому стратегия власти всегда связана с трансформацией этой разрушительной энергии - здесь и сейчас, в каждом индивиде, везде: в семье, в системе образования, религии, на фабрике, в тюрьме. Рассечение и рассеивание деликвентности, описание, учет, приручение, контроль и утилизация деликвентов для нужд общества. Именно этим объясняется избирательность в деятельности механизма уголовного правосудия.

Уголовное судопроизводство должно рассматривать как механизм, призванный дифференцированно управлять противозаконностями, а не уничтожать их. Ведь где есть власть, есть сопротивление. Именно поэтому сопротивление никогда не находится во внешнем положении по отношению к власти. Властные отношения могут существовать лишь как функция множества

⁹Фуко М. Указ.соч. – с. 40–41.

¹⁰Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995. – с. 140.

точек сопротивления. Эти точки сопротивления присутствуют повсюду в сети власти¹¹. Стало быть, уголовное судопроизводство - один из психолингвистических механизмов власти. Это либидиальный аппарат, устройство власти. Нельзя определенно сказать, что он используется кем-то против кого-то. Он просто действует, как действует Власть - анонимно и вездесуще, как защитная реакция социального организма на центробежные силы, разрывающие его.

Уголовное судопроизводство *означает* (выказывает) присутствие или деятельность власти в такой специфической форме, как образование особой категории людей, особой разновидности маргиналов - преступников. И оно всегда производит работу, даже когда “не срабатывает” - это (т.е. сбой) тоже входит в тактику власти. Стратегическая цель уголовного процесса не в раскрытии преступления, изобличении виновного, применении уголовного закона, но в отправлении уголовного правосудия как такового, производстве судебного дискурса, непрерывной актуализации отношений власти-знания, в конечном счете - противодействие энтропии.

Назначением уголовного судопроизводства является принятие судом юридически значимого решения. Какого? А не все ли равно, важно поставить точку в деле, но для правосудия будет многоточие; игра должна продолжаться и давать энергию для подзарядки системы.

Судебное решение всегда будет «неверным» в смысле достижения «референциальной» (корреспондентской) истины. И если для конкретного индивидуума, чьи интересы затронуты в деле, важен успех, выигрыш процессуальной борьбы, то для общества более важна формальная определенность - правопорядок. Судебное решение – презюмируется истинным - именно потому, что в любом обществе в качестве первоочередной ценности рассматривается упорядоченность отношений и вера членов обществ в справедливость существующего порядка вещей.

¹¹ См.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996. – с. 196.

Только при этих условия правовая система будет отвечать требованию эффективности, т.е. способность системы хорошо приспосабливаться к условиям окружающей среды, извлекать из нее ресурсы, необходимые для существования развития¹². В «правовом государстве» власть ограничена в наборе средств, которыми она может осуществлять меры социальной защиты. Она ограничена не только законом, но и теми ресурсами, которые общество отпускает ей для борьбы с преступностью. В этих условиях неминуемо возникает проблема выбора: как обеспечить защиту общества в условиях дефицита сил и средств правоохранительной система. Этот дефицит умышленно заложен в устройство обвинительной власти: система сдержек, ограничений является гарантией не столько даже от произвола, сколько от неадекватного расхода государственных ресурсов там, где можно обойтись без этих расходов – за счет частных средств. Власть вынуждена просчитывать экономические, политические и, если угодно, психологические последствия своих решений в сфере уголовной политики¹³.

10. Закон и государство – переходные формы социальной организации, проявления власти/знания, которые со временем отомрут.

Любые государственно-правовые конструкции, а тем более буржуазные несовершенны. Анархия – идеальная форма социальной организации, к ней приведет общественный прогресс. Она – мать порядка, альтруизм – отец его.

Но если выбирать между доступными вариантами, то правовое государство лучше, чем неправовое, демократия лучше, чем автократия. Буржуазная демократия имеет много недостатков, но это пока наилучшая форма устройства общества. Тоже самое можно сказать и о состязательном правосудии.

11. Верю в деконструкцию, как общий подход к анализу современной юридической (текстовой) действительности.

¹²Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективного правосудия. – М., 1979. – с. 165.

¹³ См.: Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства и наказания. – с. 112.

В сфере юридического нет ничего кроме текста и деконструировать текст закона, значит творить право, открывать новые (адаптационные) возможности в нем.

Но в конечном итоге череды актов деконструкции – дистрофия смысла текста – отрицание закона. Потому отношу себя к сторонникам КПИ (школы критических правовых исследований) – интеллектуального течения в философии права, главным чертой которого скептицизм к правовой реальности.

12. Верю в различие между естественными и гуманитарными науками.

В сфере гуманитарного знания критерием истинности является человек, в точных науках – эксперимент, повторяемость, точное исчисление.

Юридическая наука (теория доказательств) является более искусством, а не «настоящей» наукой. Как и прочие гуманитарные науки (социология, политэкономия, история) юриспруденция не дает каких-либо рациональных оснований культуре, не открывает подлинных «закономерностей», но является субкультурой среди других субкультур; нет разницы между литературным вымыслом и научным знанием.

Идеал юридической науки не в истине – а в критике действительного (которое всегда несовершенно), что составляют нравственный императив всякой свободной рефлексии. Апологетика действительности – рабская (свинская) идеология и потому пафос отрицания «разумного» и «действительного» лучшая гарантия существования и развития мира.

И последнее, интернет – привнес новую реальность в аргументационную ситуацию; здесь «все сгодится» для аргументации. Здесь есть гипертекст и универсальная аудитория (толпа). Поэтому в интернете имеет место аргументирование непосредственно перед «народом», а не перед юристами, мыслителями или государем.

Да здравствует, новая (настоящая) демократия и новый тип встраивания властеотношений, новая наука, новая (хорошо забытая софистическая) стратегия аргументации! Аминь.

Библиография

1. Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства. Н. Новгород, Нижегородская правовая академия, 2001
2. Александров А.С., Александрова И.А., Круглов И.В. Назначение уголовного судопроизводства. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2006.
3. Аристотель. Топика /Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1978. – 349 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М., 1995. – 140 с.
5. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективного правосудия. – М., 1979. – 165 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – 142 с.
7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996. – 196 с.